

ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Глава 1

Год 1801. — Только что я вернулся от своего хозяина. Он — единственный мой сосед, который может нарушить мое одиночество. Какое тут восхитительное место! Где еще в Англии найдешь уголок, столь далекий от светской суеты — настоящий рай для мизантропа! А мы с мистером Хитклифом — прекрасная пара, чтобы разделить между собой все прелести уединения. Чудесный человек! Он и представить себе не мог, что я сразу же почувствовал к нему симпатию. Ведь его черные глаза метнули в меня из-под темных бровей подозрительный взгляд, и рука решительно спряталась за отворот сюртука, когда я представился.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

Ответом мне был кивок.

— Позвольте представиться, я — мистер Локвуд, ваш новый жилец. Почел за честь поспешить к вам с визитом сразу по прибытии. Надеюсь, что не причинил вам неудобств своим настойчивым желанием поселиться в усадьбе «Скворцы». Вчера я услышал, что у вас были другие планы...

— Усадьба «Скворцы» — моя собственность, сэр, — прервал он меня, неодобрительно морщась. — Неудобств я бы не потерпел ни от кого, уж можете быть в этом уверены. Впрочем — заходите!

Свое «заходите» он произнес сквозь стиснутые зубы, как будто бы хотел сказать «Убирайтесь к черту!», а ворота, на которые он опирался, не отворились по его слову. Только особые обстоятельства заставили меня принять столь негостеприимное приглашение: меня крайне заин-

тересовал человек, еще менее расположенный к общению, чем я сам.

Увидев, что мой конь грудью пошел на ворота, он все же размотал закрывающую их цепь и пошел впереди меня по мощеной дорожке, небрежно бросив в пространство, когда мы оказались во дворе: «Джозеф, прими лошадь у мистера Локвуда. И вина принеси...»

«Видимо, слуга в доме только один, — подумалось мне в ответ на столь пространное приказание. — Не удивительно, что между каменными плитами двора растет трава, а живую изгородь явно стрижет только один садовник — скот».

Джозеф оказался пожилым, нет, я бы даже сказал, очень старым человеком, но здоровым и жилистым. «Господи, помоги!» — неодобрительно пробормотал он, принимая поводья и помогая мне спешиться. При этом он посмотрел мне в лицо с таким кислым видом, словно божья помощь нужна была старику, дабы переварить недавний обед, а не чтобы отвратить незваного гостя.

Жилище мистера Хитклифа носит название «Грозовой Перевал». «Грозовой» — словечко местное и как нельзя лучше передает капризы ненастной погоды, хозяйничающей на этих холмах. Сейчас здесь дышалось привольно, но по наклону чахлах елей, растущих у дома, и по тому, как тянулся к солнцу тощий терновник, словно нищий, выпрашивающий милостыню, можно было только догадываться, как сильно задувает временами из-за края утеса северный ветер. К счастью, архитектор учел здешние условия, утопив узкие окна в стену и защитив выступы углов мощной каменной кладкой.

Перед тем как переступить порог, я замешкался, восхитившись причудливо украшенным фасадом. Особенно пышно выглядел главный вход, над которым меж осыпающихся грифонов и нескромных амурчиков я увидел дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». В любом другом случае я бы не преминул выказать вежливый интерес и попросить своего упря-

мого хозяина поделиться со мной краткой историей прежних владельцев, но нетерпеливая поза, в которой он замер у дверей, лучше всяких слов сказала мне, что либо я тотчас переступлю порог, либо должен буду немедленно покинуть сии негостеприимные владения и никогда не проникну в святая святых этого дома.

Поднявшись на одну ступеньку, мы сразу оказались в общей комнате, потому что в доме не было ни коридора, ни прихожей. Местные называют такую комнату *залой*. Обычно зала объединяет гостиную и кухню, но в Грозовом Перевале кухню, похоже, перенесли в заднюю часть дома. По крайней мере, до слуха моего донесся приглушенный расстоянием разговор и стук кухонной утвари. В огромном камине, находившемся в *зале*, не было никаких следов того, что здесь недавно жарили, варили или пекли; стены не украшали ни начищенные медные сковородки, ни отдраенные жестяные сита. Впрочем, в одном углу ярким светом сияли ряды огромных оловянных блюд, серебряных кувшинов и кружек, возвышавшихся в огромном дубовом буфете и дальше на полках по стене до самой крыши. Крыша открывала пытливому взору всю свою неприглядную изнанку, кроме тех мест, где стропила и балки несли на себе запас овсяных лепешек¹, а также связок говяжьих, бараньих и свиных окороков. Над камином были развешены давно не чищенные старые ружья и пара седельных пистолетов. Картину дополняли пестрые жестяные чайницы на каминной полке. Пол был выложен белыми ровными каменными плитами. На нем крепко стояли грубые стулья с высокими спинками, выкрашенные в зеленый цвет, а в тени притаилась пара темных тяжелых кресел. В нише под буфетом возлежала крупная сука пойнтера красно-пегого окраса с выводком повизгивающих щенят.

¹ Традиционные овсяные лепешки в Северной Англии и Шотландии готовились про запас. Лепешки пекли достаточно большого размера, но раскатывали очень тонко. Полусырыми их развешивали, как белье, на специальных шестах или всех подходящих приспособлениях для сушки.

Другие собаки притаились по углам и в укромных местах залы.

И дом, и мебель лучше всего подошли бы домовитому фермеру из северных графств — молодцу с упрямым лицом, в штанах до колен и с крепкими икрами, обтянутыми гетрами. Зайдите в любой дом в пяти-шести милях вокруг, и вы увидите такого местного жителя в кресле у круглого столика, украшенного пенной кружкой эля, если сподобитесь застать хозяина дома после обеда. Однако же облик мистера Хитклифа являл резкий контраст окружающим его предметам обихода. Скажем так, что по виду он — настоящий цыган, смуглый и темноликий, а по одежде и манерам — джентльмен, если можно назвать джентльменом иного сельского сквайра. Одет он небрежно, но не выглядит затрапезно, потому что одежда эта облегает осанистую и стройную фигуру. И еще одно бросается в глаза: он мрачен. Кое-кто мог бы заподозрить его в нелепой гордыне, свойственной выскочкам, но он не таков — я уверен в этом, потому что чувствую в нем родственную душу. Мне кажется, его сдержанность идет от нежелания показывать любые свои чувства, даже взаимную и разделенную привязанность. Он будет и любить, и ненавидеть тайно, он сочтет непростительной дерзостью открытое проявление этих чувств по отношению к себе. Нет, нет, здесь я должен остановиться. Слишком много своих черт я приписываю этому человеку. У мистера Хитклифа могут быть собственные резоны не подавать руки тем, кто слишком навязчиво желал бы с ним познакомиться. Мой же склад характера, я надеюсь, неповторим: не зря моя бедная матушка частенько говаривала, что никогда мне не создать уютного семейного очага. Не далее как этим летом я доказал, что она была права.

Я наслаждался месяцем прекрасной погоды на одном из морских курортов, где мне повстречалась необыкновенно привлекательная юная леди: в моих глазах она была просто богиней до тех пор, пока не обращала на меня внимание.

«Любовь моя была нема», но если б глаза мои могли говорить, любой человек отнюдь не семи пядей во лбу понял бы, что я влюблен в милую девушку по уши. И вот наконец, когда она решила, что разгадала мои чувства и принялась бросать мне в ответ самые нежные взгляды, что же сделал ваш покорный слуга? Со стыдом признаюсь, что я спрятался в свою скорлупу, как улитка, становясь все холоднее и отдаляясь от предмета своих вздыханий все дальше до тех пор, пока бедняжка не усомнилась в том, правильно ли она поняла меня, и, сгорая со стыда от возможной ошибки, убедила свою мать немедленно покинуть курорт. Из-за такого странного охлаждения чувств я стяжал репутацию бессердечного и расчетливого человека, и только сам я мог судить, насколько она была мною не заслужена.

Я сел у очага с противоположной стороны от хозяина и попытался заполнить повисшее между нами молчание, приласкав мать собачьего семейства, которая по-волчьи подкрадывалась ко мне сзади. Собака щерилась и готова была впиться мне в ногу своими белыми зубами. На мою ласку она ответила долгим, низким ворчанием.

— Лучше б вы ее не трогали, — в унисон своей псине проворчал мистер Хитклиф, предотвратив ее более опасные действия крепким пинком. — Нечего ее портить. Это вам не комнатная собачка. — Он шагнул к боковой двери и вновь прокричал: «Джозеф!»

Джозеф пробормотал что-то невнятное из глубин погреба, но так и не явился на зов, заставив своего хозяина спуститься к нему. Я остался с глазу на глаз со злобной сукой и парой кудлатых свирепых овчарок, которые ревностно следили за любым моим движением. Мне совсем не хотелось испытать на себе остроту их клыков, поэтому я сидел тихо. Потом, на свою беду решив, что звери не поймут бессловесных насмешек, я принялся подмигивать грозной троице и страшно гримасничать. Одна из моих ужимок настолько взбесила мадам Пойнтершу, что она с яростью кинулась на меня, воз-